

УДК 81

А.М. Агапов

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

infacrgpu@mail.ru

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНИУМ:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

[Agapov A.M. Space-temporary continuum: pragmalinguistic aspect]

In the article the attention is paid to the fact that the language picture of the person's world is built in such a way that time and space are its central axes. The organization of time and space in the structure of the text is one of the most important factors of creation of literary work, therefore in creation of the text the use of a chronotope is also important. Such interest in research of a phenomenon of a chronotope as method of the philological analysis of the text is caused by the fact that time along with space is one of the main forms of existence of our world, it defines all stages of life.

Key words: time, space, chronotope, philological analysis, language picture of the world, interpretation.

В научной литературе по проблемам лингвистики текста и литературоведения возникают новые тенденции в интерпретации художественного времени-пространства, а также растёт разнообразие трактовок и понимания этого феномена, что заставляет вновь обратиться к проблеме обозначения данной категории. Бесспорно, несмотря на разные названия и, соответственно, несколько отличающиеся друг от друга подходы, все эти термины синонимичны и делают акцент на органическом единстве пространства и времени:

- художественный хронотоп [2; 6];
- пространственно-временной континуум [5];
- локально-временная ось текста [9];
- художественное время и художественное пространство [8];
- перцептуальное пространство-время в искусстве [7] и др.

Как нами уже отмечалось ранее [1], в литературоведении аналогом пространственно-временного континуума является понятие «хронотоп» (дословно «время-пространство»), получивший широкое распространение благодаря трудам М.М. Бахтина, который заимствовал его у представителей естественнонаучного знания (в научный оборот понятие «хронотоп», возникшее под

воздействием идей Г. Минковского и А. Эйнштейна, ввел психолог А.А. Ухтомский). По утверждению М.М. Бахтина, художественный хронотоп является формально-содержательной категорией художественного текста, и этот термин выражает неразделимость времени и пространства. М.М. Бахтин так определяет взаимосвязь, взаимообусловленность времени и пространства на уровне текста: «...время сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [2].

Такой интерес к исследованию феномена хронотопа как метода филологического анализа текста обусловлен, прежде всего тем фактом, что время наряду с пространством является одной из основных форм существования нашего мира, оно определяет все этапы бытия, последовательную смену жизненных циклов природы и человека. Относительно времени мы определяем себя в прошлом, настоящем и будущем в том пространстве, где мы находились, находимся сейчас или можем быть в будущем. Время и пространство переплетаются в сознании человека с его субъективными переживаниями и его интерпретацией причин и следствий тех или иных событий. Языковая картина мира человека выстраивается в определённой сетке координат, где время и пространство являются центральными осями, присутствует вектор движения во времени и пространстве и есть точка, в которой находится человек, или точка, относительно которой он воспринимает круговорот бытия во времени и пространстве [10]. Организация времени и пространства в структуре текста является одним из важнейших факторов построения произведения, поэтому в создании художественного текста так важно и заметно влияние хронотопа.

Рассмотрим структуру пространственно-временного континуума, а также те языковые средства, которые способствуют адекватной интерпретации литературно-художественного хронотопа, как места слияния пространственных и временных примет, на примере анализа отрывка из романа З.Прилепина «Обитель»:

Говорили, что в молодости прадед был шумливый и злой. В наших краях есть хорошее слово, определяющее такой характер: взгальный.

До самой старости у него имелась странность: если мимо нашего дома шла отбившаяся от стада корова с колокольцем на шее, прадед иной раз

мог забыть любое дело и резво отправиться на улицу, схватив второпях что попало – свой кривой посох из рябиновой палки, сапог, старый чугунок. С порога, ужасно ругаясь, бросал вослед корове вещь, оказавшуюся в его кривых пальцах. Мог и пробежаться за напуганной скотиной, обещая кары земные и ей, и её хозяевам.

“Бешеный чёрт!” – говорила про него бабушка. Она произносила это как “бешаный чорт!”. Непривычное для слуха “а” в первом слове и гулкое “о” во втором заворачивали.

“А” было похоже на бесноватый, почти треугольный, будто бы вздёрнутый вверх прадедов глаз, которым он в раздражении таращился, – причём второй глаз был сощурен. Что до “чорта” – то когда прадед кашлял и чихал, он, казалось, произносил это слово: “Ааа... чорт! Ааа... чорт! Чорт! Чорт!” Можно было предположить, что прадед видит чёрта перед собой и кричит на него, прогоняя. Или, с кашлем, выплёвывает каждый раз по одному чёрту, забравшемся внутрь.

По слогам, вослед за бабушкой, повторяя “бе-ша-ный чорт!” – я вслушивался в свой шёпот: в знакомых словах вдруг образовались сквозняки из прошлого, где прадед был совсем другой: юный, дурной и бешеный.

Бабушка вспоминала: когда она, выйдя замуж за деда, пришла в дом, прадед страшно колотил “маманю” – её свекровь, мою прабабку. Причём свекровь была статна, сильна, сурова, выше прадеда на голову и шире в плечах – но боялась и слушалась его беспрекословно.

Чтоб ударить жену, прадеду приходилось вставать на лавку. Оттуда он требовал, чтоб она подошла, хватал её за волосы и бил с размаху маленьким жестоким кулаком в ухо.

Звали его Захар Петрович.

“Чей это парень?” – “А Захара Петрова”.

Прадед был бородат. Борода его была словно бы чеченская, чуть курчавая, не вся ещё седая – хотя редкие волосы на голове прадеда были белым-белы, невесомы, пушисты. Если из старой подушки к голове прадеда налипал птичий пух – его было сразу и не различить.

Пух снимал кто-нибудь из нас, безбоязненных детей – ни бабушка, ни дед, ни мой отец головы прадеда не касались никогда. И если даже по-доброму шутили о нём – то лишь в его отсутствие.

Ростом он был невысок, в четырнадцать я уже перерос его, хотя, конечно же, к тому времени Захар Петров ссутулится, сильно хромал и понемногу вращал в землю – ему было то ли восемьдесят восемь, то ли восемьдесят девять: в паспорте был записан один год, родился он в другом, то ли раньше даты в документе, то ли, напротив, позже – со временем и сам запомнил.

Бабушка рассказывала, что прадед стал добрее, когда ему перевалило за шестьдесят, – но только к детям. Души не чаял во внуках, кормил их, тешил, мыл – по деревенским меркам всё это было диковато. Спали они все по очереди с ним на печке, под его огромным кудрявым пахучим тулупом.

Мы наезжали в родовой дом погостить – и лет, кажется, в шесть мне тоже несколько раз выпадало это счастье: ядрёный, шерстяной, дремучий тулуп – я помню его дух и поныне.

Сам тулуп был как древнее предание – искренне верилось: его носили и не могли износить семь поколений – весь наш род грелся и согревался в этой шерсти; им же укрывали только что, в зиму, рождённых телят и поросят, переносимых в избу, чтоб не перемерзли в сарае; в огромных рукавах вполне могло годами жить тихое домашнее мышинное семейство, и, если долго покопаться в тулупных залежах и закоулках, можно было найти махорку, которую прадед прадеда не докурил век назад, ленту из венчального наряда бабушки моей бабушки, сахаринный обкусок, потерянный моим отцом, который он в своё голодное послевоенное детство разыскивал три дня и не нашёл.

А я нашёл и съел вперемешку с махоркой.

Когда прадед умер, тулуп выбросили – чего бы я тут ни плёл, а был он старьё старьём и пах ужасно.

Девяностолетие Захара Петрова мы праздновали на всякий случай три года подряд.

Художественное пространство и время являются органическими характеристиками каждого литературного произведения, в целом, и произвольно выбранного нами для анализа отрывка, в частности. Взаимосвязь этих категорий, обозначенная термином «хронотоп», позволяет автору восстанавливать время и пространство в тексте своего художественного произведения. Предметом нашего исследования выступают языковые средства различных лексико-грамматических уровней, реализующие явление пространственно-временной взаимосвязи в художественном тексте. Однако в начале анализа отрывка из произве-

дения 3. Прилепина мы полагаем целесообразным обратить внимание на чётко прослеживаемую тенденцию данного автора к преемственности в организации пространства и времени (см., например: «*Думая об этом сейчас, я понимаю, как короток путь до истории – она рядом. Я прикасался к прадеду, прадед воочию видел святых и бесов*»), что придаёт развитию хронотопа особую связность и цельность. Здесь речь идёт, прежде всего, о двоемирии: прошлое/настоящее с одной ключевой темой, а именно: *прадед с точки зрения родных/прадед с точки зрения автора*. Инвариантом двоемирия, безусловно, является многомирие, концепция, имеющая несколько символистский генезис, иерархическая система множества пространств и множества времен, связанных воедино. Следующие слова-воспоминания автора свидетельствуют о том, что наряду с системой противоположных друг другу миров прошлого и настоящего, существует также третья составляющая художественного времени и пространства – это таинственный, вымышленный мир, полный чудовищ, внушающих страх и желание избавиться от него: *Что до “чорта” – то когда прадед кашлял и чихал, он, казалось, произносил это слово: “Ааа... чорт! Ааа... чорт! Чорт! Чорт!” Можно было предположить, что прадед видит чёрта перед собой и кричит на него, прогоняя. Или, с кашлем, выплёвывает каждый раз по одному чёрту, забравшемся внутрь*.

Темпоральная организация текста представляет собой совокупность способов выражения хронотопа на всех языковых уровнях - лексическом, морфологическом, синтаксическом. Лексико-семантические рамки временного поля данного отрывка эксплицируются различными опорными лексемами:

- лексемами, обозначающими конкретное время или его продолжительность, что позволяет конкретизировать время действия: *в молодости, до самой старости, в четырнадцать, то ли раньше, то ли напротив позже, в зиму, три дня, лет в шесть, век назад, три года подряд и т.д.;*
- лексемами, обозначающими понятия, создающие концептологические поля, семантика которых соответствует определённому линейному отрезку времени и способствует созданию определённого психологического состояния героев на определённом хронологическом отрезке: *кривой посох, чугунок, маманя, махорка, печка, тулуп, сахариный откусок и т.д.*

На морфологическом уровне, как следует из вышеприведённых примеров, художественное время в данном отрывке передается различными морфологи-

ческими средствами: существительными, числительными, прилагательными, наречиями. На способность лексических средств с временной семантикой, к которым относятся цельнооформленные и многокомпонентные образования, включающие имена существительные, числительные, прилагательные, наречия, местоимения и предлоги в различных комбинациях, использоваться для обозначения временной локализации события или его продолжительности указывалось в лингвистической литературе [3]. В этой связи нам представляется целесообразным обратить внимание на положение А.В. Бондарко о том, что темпоральность - это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета и охватывающая группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т.д.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории [4].

Особое значение во временной перспективе имеют синтаксические средства реализации, среди которых мы можем выделить такие, как: восклицательные предложения («*Бешеный чёрт!*» и др.); придаточные предложения времени (*когда прадед умер, ...* и др.).

Представляет интерес авторский способ создания иллюзии соединения художественного и реального времени, а также определённого ностальгического настроения, при помощи соединения в одном сложносочинённом предложении прошедшего и настоящего времени: *Мы наезжали в родовой дом погостить – и лет, кажется, в шесть мне тоже несколько раз выпадало это счастье: ядрёный, шерстяной, дремучий тулуп – я помню его дух и поныне*, а также используя такую метафору, как *сквозняки из прошлого*.

Что касается репрезентации пространства в художественном тексте, то, как и в случае репрезентации времени, важную роль в его моделировании выполняют языковые средства тех же трёх уровней – лексического (*в наших краях, с порога, мимо дома, вослед, внутрь, на печке, под тулупом, переносимых в избу и т.д.*), морфологического и синтаксического. Кроме того красочному изображению локализации пространства способствует употребление автором таких метафор, как: *отбившаяся от стада, понемногу вращая в землю, в тулупных залежах и закоулках*.

Герои исследуемого отрывка также, как и читатели попадают под влияние пространства и времени благодаря использованию автором приемов ретроспекции и проспекции как противоположных форм художественного дисконтинуума. Именно их диаметрально противоположный вектор позволяет совершать временные скачки из настоящего в прошлое и будущее.

Таким образом, мы видим, что пространственно-временной континуум представляет собой сложную структуру организации, имеющую разные уровни языковой реализации, и теснейшим образом связанную с такими текстовыми категориями, как ретроспекция и проспекция. Также надо учитывать большую роль лексических и стилистических имплицитных способов передачи пространственно-временных отношений в данном тексте, которые вносят весомый вклад в обеспечение целостности и единства всего пространственно-временного континуума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аганов А.М.* Математические методы прагмалингвистического анализа - исследование личностных качеств персонажей художественного произведения // *Словесность: традиции и современность.* Ростов н/Д, 2006.
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет.* М., 1975.
3. *Беренвальд-Райш Е.Е.* Темпоральная сетка немецкоязычной новеллы (на материале произведений XIX-XX вв.). Автореф. дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
4. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность. Таксис. М., 2003.
5. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
6. *Енукидзе Р.И.* Художественный хронотоп и его лингвистическая организация. Тбилиси, 1987.
7. *Зобов Р.А., Мостепаненко А.М.* О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства. // *Ритм, время, пространство в литературе и искусстве.* Л., 1974.

8. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. 1993. № 1.
9. *Москальская О.И.* Грамматика текста. М., 1981.
10. *Шабанов Н.К., Шабанова О.П., Тарасова М.С. и др.* Художественно-педагогический словарь. М., 2005.

ИСТОЧНИК ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Прилепин З. Обитель.

<http://www.litres.ru/zahar-prilepin/obitel/chitat-onlayn/>

REFERENCES

1. *Agapov A.M.* Mathematical methods of analysis pragmalinguistic – research of personal qualities of fiction works characters // Linguistics: tradition and modernity. Rostov-on-Don, 2006.
2. *Bakhtin M.M.* The forms of time and chronotope in the novel // Bakhtin M.M. Questions letter tours and aesthetics studies over the years. М., 1975.
3. *Berenvald Reich-E.E.* Temporal German-language novel grid (on the material of XIX-XX centuries works). Author. Thesis. Rostov-on-Don, 2010.
4. *Bondarko A.V.* Theory of Functional Grammar: An Introduction, aspectuality, temporary localization of taxis. М., 2003.
5. *Halperin I.R.* Text as an object of linguistic research. М., 1981.
6. *Yenukidze R.I.* Art chronotop and linguistic organization. Tbilisi, 1987.
7. *Zobov R.A., Mostepanenko A.M.* About typology of spatial and temporal relations in the arts // Rhythm, time, space in art and literature. L., 1974.
8. *Likhachev D.S.* Conceptsphere // Proceedings of Russian Academy of Sciences. A series of literature and language. 1993. № 1.
9. *Moskalskaya O.I.* The grammar of the text. М., 1981.
10. *Shabanov N.K, Shabanova O.P., Tarasova M.S.* Art Pedagogical Dictionary. М., 2005.

THE SOURCE OF FACTUAL MATERIAL

Prilepin Z. Abode.

<http://www.litres.ru/zahar-prilepin/obitel/chitat-onlayn/>

19 ноября 2015 г.
